

В статье выявлена и описана лексическая представленность концепта «свой – чужой» в художественной картине мира современных русскоязычных поэтов Беларуси: Валентины Поликаниной, Юрия Сапожкова, Бронислава Спринчана.

Взаимовосприятие представителей различных культур, особенности национального менталитета с давних пор вызывали интерес исследователей. Концепт «свой – чужой» является ключевым в межкультурной коммуникации, так как столкновение культур в современном мире происходят постоянно, абсолютизация «своего» и непонимание «чужого» порой создают непреодолимые преграды в процессе межкультурного обмена. Ю.С. Степанов отмечает национально-культурную маркированность концепта, начиная словарную статью о константах культуры «свои» и «чужие» со слов: «Это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [4, с. 477].

Для Валентины Поликаниной (родилась в 1958 в г. Кричеве Могилёвской области) «свои» – представители «родины сердца» [2, с. 109], т.е. те люди и места, к которым имеется глубокая эмоциональная привязанность: мама, которая *по воздуху идёт, не по земле* [2, с. 105, 106, 107], бабушка [2, с. 101, 106, 107], Бог (Он, *распятый Христос*) [2, с. 105, 113, 115, 100], Максим Богданович (*Певец, Поэт*) [2, с. 109, 110], милый [2, с. 100], добрый [2, с. 101], близкие [2, с. 106], ближние [2, с. 113], живые [2, с. 112], дед [2, с. 106], сердце-друг [2, с. 107], те сыны, *кто горя не навёл* [2, с. 109], горькая держава, / *Которую от сердца не отнять (Отечество звенящее моё, земля моя, моя страна, земли дорогие)* [2, с. 103, 114, 115], Ефросинья Полоцкая [2, с. 104], народ [2, с. 110], предки [2, с. 105], те, *кого люблю* [2, с. 109]. К «чужим» относятся: злой [2, с. 101], *сердце-недруг, горестный и меткий* [2, с. 107], другие [2, с. 115]. Субъект лирического высказывания принимает свою двойственную национальную идентичность (*хоть язык мой – русский, сердцем – белоруска...* [2, с. 104]), демонстрирует заботливое, материнское отношение к «своим» и терпеливое к «чужим», никого не обличает, призывая по-христиански смиренно *нести свой крест – / всё знать заранее / И не отречься от него* [2, с. 112], понимая, *как тяжела дорога к храму! / Порой она – длиною в жизнь* [2, с. 107]; осуждает войну проклятую [2, с. 111] как явление, от которого невозможно избавиться *в век всемирного разлада* [2, с. 113], потому что люди не чувствуют перед другими своей вины: *Воюют человеки и с Богом, и с судьбой. // За первенство вовеки на землях дорогих / Воюют человеки с присутствием других.* <...> *Не плача от потери, не чувствуя вины, / Воюют человеки, и нет конца войны* [2, с. 115]. Чтобы *на злой меже не оступиться* [2, с. 112], нужно ориентироваться на Свет (*Свет Истины*) [2, с. 103, 109], щедро дарить всем доброту и любовь.

В лаконичных названиях стихотворений Юрия Сапожкова (родился в 1940 г. в селе Ильинка Рязанской области, с 1962 г. проживал в Беларуси – умер в 2013 г.), как правило, отражены имена «своих»: «У памятника Пушкину», «Бабушка», «Отец», «Завещание отца», «Портреты героев». «Свои» для лирического героя: *отец мой* [2, с. 90, 92], *мама* [2, с. 82, 83], *бабушка* [2, с. 83], *девочка с муравьиной талией* [2, с. 84], *птицы* [2, с. 84], *Вета* [2, с. 84, 85], *северянка* [2, с. 94], *Пушкин* [2, с. 82], *знакомый старшина* [2, с. 86], *милый мой* (о Викторе Гине, советском поэте и драматурге) [2, с. 88], *лавшие герои* [2, с. 92], *великодушная простившая женщина* [2, с. 94], *знакомый*, который *взял на воспитанье / Из жалкого приюта трёх детей* [2, с. 98]. Перечень «чужих» так же, как и в текстах В. Поликаниной, велик: *шофёр*, который *у дороги берёзку / Срубил и швырнул в колею* [2, с. 86], *дьявол*, что *был искуснее меня* [2, с. 97], *Иисус Христос*, смеющийся *надо мной по-дьявольски* [2, с. 97], философы, *измучившие жен гениальностью своей (мужей учёных тьмы)* [2, с. 97]. Вероятно, это связано с тем, что о себе субъект лирического высказывания старается высказываться честно, считая, что любые поступки нужно проверять совестью как внутренним мерилom нравственного начала: *...Перед судом своим верховным / Я чувствую себя виновным...* [2, с. 88]; *Скворечни вешал, не жалел и крошек, / Но всё же птиц и небо предавал* [2, с. 84]. Божественное он старается отыскать в человеке, а че-

УДК 821.161.3.09

**ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»
В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
В. ПОЛИКАНИНОЙ, Ю. САПОЖКОВА, Б. СПРИНЧАНА**

Болтовская Елена Александровна
доцент кафедры общего и славянского языкознания
учреждения образования «Могилевский государственный
университет имени А.А. Кулешова»,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Исследование выполнено в рамках задания 4.2.12 «Национальный образ мира в русскоязычной литературе Беларуси» ГПНИ «Экономика

ловеческое в Боге. Поэт испытывает непреодолимое желание творить, и в этом раскрывается его божественная суть: *Я нынче бог, я наверху блаженства, / Мне удалось нестройность победить, / Почти физическую жажду совершенства / В четверостишье утолить* [2, с. 87]. А Бог по-земному с женщиною смеет, и этим он становится понятнее и ближе смертному человеку: *У зеркала во время передышки / Иисус Христос ей растирал лодыжки, / На что как Бог он права не имел...* [2, с. 97].

Нравственным идеалом для автора являются *павшие герои* [2, с. 92] Великой отечественной войны, которые с портретов глядят, испытывая нас [2, с. 92]. Ю. Сапожков афористично формулирует своё правило нравственности «...жизнь затем даётся, / Чтобы её кому-нибудь отдать» [2, с. 98], скромно вкладывая его в уста своего «знакового», взявшего на воспитание / Из жалкого приюта трёх детей [2, с. 98]. Личный пример, по мнению автора, гораздо весомее громких слов о смысле человеческого существования.

Брониславу Спринчану (родился в селе Каниж Новомиргородского района Кировоградской области Украины в 1928 г. – умер в 2008 г. в Минске) важно в стихах показать богатое национально-историческое прошлое белорусского народа («Дорога памяти», «Мирский замок», «Всеслав Полоцкий»), расцвет государственности и зодчества, красоту творений мастеров и природы («Белорусские цимбалы», «Белая вежа», «Круг», «Лес», «Вереск»), достижения белорусской словесной культуры («Библия Скорины», «Сокровенное», «Туровщина», «Слово о Мицкевиче»), мелодичность белорусского языка («Белорусские месяцы»). Поэт создаёт в своих произведениях *святое писанье истории давней* [2, с. 222], пространство его текстов словно гулкой историей трасса [2, с. 225], отсюда – подчёркнутая точность топографических примет, отражённых уже в названиях: «Туровщина», «Всеслав Полоцкий», «Мирский замок», «Блок на Полесье». Концепт «свой – чужой» в художественной картине мира Б. Спринчана тесно переплетается с концептом «Родина» (см. об этом подробнее в [1]). Родной землёй признаются не бескрайние просторы, а *сосны векового бора, / И луга, и светлые поля* [2, с. 217], *дубрава* [2, с. 219], *бор* [2, с. 239], *лес* [2, с. 224, 237]. Себя лирический герой ассоциирует с листком в кроне древа (*Родным корням доверяясь, / Живу* [2, с. 239]), а Беларусь – с могучим, многоликим лесом: *В его корнях – мой исток, / И в этом – кровное родство. <...> Пришельцы из чужой земли / Рубили, жгли тебя дотла. / Но вновь берёзки проросли, / И от коры их – даль светла. <...> Прикрыта кронами берёз, / Твердеет сталь еловых пик, / И ты, мой лес, в сиянье гроз / Гудишь, могуч и многолик* [2, с. 237].

В число «своих» для субъекта высказывания, помимо матери [2, с. 218, 234], входят люди, сделавшие всё возможное для процветания и защиты родной земли от завоевателей: *неуёмный народ* (туровчане) [2, с. 219], восточнославянский первопечатник Франциск Скорина [2, с. 216], православный епископ *Туровский Кирила* [2, с. 233], обладающий мощным проповедническим даром (*На горе под светлюю лазурью / Встал с крестом Кирила Златоуст* [2, с. 219]), *те, на чьей спине / Тяжесть жизни – зодчие, селяне!* [2, с. 217], *зодчий Олекса* [2, с. 221], мастера [2, с. 223, 235], великий гетман литовский Константин Острожский [2, с. 219], гетман Радзивилл [2, с. 224], князь Всеслав Полоцкий, так как *сделать Полоцк градом златоглавым / Было главным на его веку* [2, с. 220], *витязи со строгими ликами* [2, с. 223], *дружина Мстислава* [2, с. 224], *в бронзе воскресший Гастелло* [2, с. 225], полесские партизаны [2, с. 229], поэты Я. Купала, Я. Колас [2, с. 216], М. Богданович, П. Бровка [2, с. 217], А. Мицкевич (*Читаю... И горжусь я, / И в юности гордился / Тем, что на Беларуси / Такой поэт родился* [2, с. 227]), А. Блок [2, с. 229]. Как видим, в ряду деятелей словесного искусства преобладают белорусские имена, а имя русского поэта появляется в связи с тем, что тот бывал на Полесье: *Этот дуб глазами мшистых дупел / Лично видел Александра Блока* [2, с. 229]. Об основных образах русской культуры, присутствующих в картине мира современных русскоязычных поэтов Беларуси, можно более подробно узнать в [3]. Чужими для субъекта высказывания являются все *незванные гости* [2, с. 222], *пришельцы из чужой земли* [2, с. 237], *вороги* (*Нас враги сжигали / У мира на виду. / Из пепла мы восстали, / Осипили беду* [2, с. 239]), желающие отнять у коренного населения свободу и территорию: орды [2, с. 222], крестоносцы (*Эта земля*

поглотила / Не одного крестоносца [2, с. 224]), *тевтоны и шведы* / – *Незванные гости* [2, с. 222], французы, германские дивизии [2, с. 224]. Причём в контекстах автор старается показать значимость сражений на белорусской земле для дальнейшей победы над иноземцами: *Карл не случайно споткнулся / Перед полтавскою битвой / Здесь, на земле Беларуси* [2, с. 224]; *Через Сморгонь корсиканца / Мчали в Париж от погони* [2, с. 224]; *Помнит – ничто не забыто – / Лес, от туманности сизый, – / Сколько здесь было разбито / Конных германских дивизий* [2, с. 224]. «Чужой» воспринимается как зловецкий, таящий угрозу мирному существованию, поэтому с ним нужно сражаться, чтобы восстановить мир. Сторонники войн должны знать, что выражение «кто с мечом к нам придёт – от меча и погибнет» всегда актуально.

Итак, в поэтической картине мира русскоязычных авторов концепт «свой – чужой» представлен неравномерно: В. Поликанина и Ю. Сапожков больше внимания уделяют нравственному облику «своих», а Б. Спринчан, используя исторический контекст, предпочитает говорить о культурных достижениях «своих» и несправедливых захватнических притязаниях «чужих».

Список использованной литературы

1. Болтовская, Е. А. Концепт «Родина» в художественной картине мира современных русскоязычных поэтов Беларуси / Е. А. Болтовская // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Магілёў, 20–21 красавіка 2017 г. / пад рэд. В. М. Шаршнёвай. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2017. – С. 145–147. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://libr.msu.by/bitstream/handle/123456789/3503/2330m.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
2. Исповедь: русскоязычная поэзия Беларуси (конец 20 – начало 21 века) : для ст. шк. возраста / сост. Т. Ф. Рослик. – Минск : Беларуская Энциклапедыя імя П. Броўкі, 2010. – 280 с.
3. Лавшук, О. А. Ключевые образы русской культуры в картине мира современных русскоязычных поэтов Беларуси / О. А. Лавшук, Е. А. Болтовская // Текст. Язык. Человек : сборник научных трудов : в 2 ч. / редкол. С. Б. Кураш [и др.]. – Мозырь : МГПУ имени И. П. Шамякина, 2015. – Ч. 2. – С. 79–81. – [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://libr.msu.by/bitstream/handle/123456789/4761/3660m.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
4. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.